

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ЖУКОВСКИЙ В
ПАРИЖЕ

Петр Андреевич Вяземский Жуковский в Париже

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527852

Аннотация

«Жуковский недолго был в Париже: всего, кажется, недель шесть. Не за веселием туда он ездил и не на радость туда приехал. Ему нужно было там ознакомиться с книжными хранилищами, с некоторыми учеными и учебными учреждениями и закупить книги и другие специальные пособия, для предстоящих ему педагогических занятий. Он был уже хорошо образован, ум его был обогащен сведениями; но он хотел еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовестно и с полной пользою руководствовать учением, которое возложено было на ответственность его...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Петр Вяземский Жуковский в Париже

I

1827 год. Май. Июнь.

Жуковский недолго был в Париже: всего, кажется, недель шесть. Не за веселием туда он ездил и не на радость туда приехал. Ему нужно было там ознакомиться с книжными хранилищами, с некоторыми учеными и учебными учреждениями и закупить книги и другие специальные пособия, для предстоящих ему педагогических занятий. Он был уже хорошо образован, ум его был обогащен сведениями; но он хотел еще практически доучиться, чтобы правильно, добросовестно и с полною пользою руководствовать учением, которое возложено было на ответственность его. Собственные труды его, в это так сказать приготовительное время, изумительны. Сколько написал он, сколько начертал планов, карт, конспектов, таблиц исторических, географических, хронологических! Бывало, придешь в нему в Петербурге: он за книгою и делает выписки, с карандашом, кистью или циркулем, и чертит, и малюет историко-географические картины, и так далее. Подвиг, терпение и усидчивость по истине, не нашего времени, а Бенедиктинские. Он наработал столько, что из

всех работ его можно составить обширный педагогический архив. В эти годы, вся поэзия его, вся поэзия жизни сосредоточилась, углубилась в эти таблицы. Не даром-же он когда-то сказал:

«Поэзия есть добродетель!»

Сама жизнь его была вполне выражением этого стиха. Зимой 1826 года провел он, по болезни, в Дрездене. С ним были братья Тургеневы Александр и Сергей. Сей последний страдал уже душевною болезнью, развившейся в нем от скорби, вследствие несчастной участи, постигшей брата его, Николая. Все трое, в Мае 1827 года, отправились в Париж, где Сергей вскоре и умер.

Связь Жуковского с семейством Тургеневых заключена была еще в ранней молодости. беспечно и счастливо прожили они годы её. Все, казалось, благоприятствовало им: успехи шли к ним на встречу, и они были достойны этих успехов. Вдруг разразилась гроза. В глазах Жуковского опалила и сшибла она трех братьев, трех друзей его. Один осужден законами и в изгнании. Другой умирает пораженный скорбью, но почти бессознательною жертвою этой скорби. Третий, Александр, нежно-любящий братьев своих, хоронит одного и, по обстоятельствам служебным и политическим, не может ехать на свидание с оставшимся братом, который, сверх горести утраты, мог себя еще попрекать, что он был

невольною причиною смерти любимого брата. Жуковский остается один сострадателем, опорой и охраною несчастных друзей своих.

В письмах своих к Императрице Александре Феодоровне он живо и подробно описывает тяжкое положение свое. Он не скрывает близких и глубоких связей, соединяющих его с Тургеневыми. И должно заметить: делает он это не спустя несколько лет, а так сказать по горячим следам, в такое время, когда неприятные впечатления 14-го декабря и обстоятельств с ними связанных могли быть еще живее. И все это пишет он не стесняясь, ничего не утаивая, а просто от избытка сердца, и потому, что он знает свойства и душу той, к которой он пишет. Вообще переписка Жуковского с Императрицею и Государем, когда время позволит ей явиться в свет, внесет богатый вклад, если не в официальные, то в личные и нравственные летописи наши. «Несть бо тайно еже не явится». Когда придет пора этому явлению, то что пока еще почти современно перейдет в область исторической давности, официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и в том, и в другом звании. Пока можно сказать утвердительно, что никто не имел повода жаловаться на него, а что многим сделал он много добра. Разумеется, в новом положении своем Жуковский мог изредка иметь и темные минуты. Но когда-же и где и с кем бывают вечно ясные дни? Особенно, такие минуты могли падать на долю Жуковского в среде, в которую нечаянно был

он вдвинут судьбою. Впрочем не все тут было делом судьбы, или случайности. Призванием своим на новую дорогу Жуковский обязан был первоначально себе, то есть личным своим нравственным заслугам, дружбе и уважению к нему Карамзина и полному доверию Царского семейства к Карамзину. Как-бы то ни было, он долго, если не всегда, оставался новичком в среде, определившей ему место при себе. Он во все не был честолюбив, в обыкновенном значении этого слова. Он и при Дворе все еще был «Белева мирный житель». От него все еще пахло, чтобы не сказать благоухало, сельскою элегией, которою начал он свое поэтическое поприще. Но со всем тем, он был щекотлив, иногда мнителен: он был цветок «не тронь меня»; он иногда приходил в смущение от малейшего дуновения, которое казалось ему неблагоприятным, именно потому, что он не родился в той среде, которая окружала и обнимала его, и что он был в ней пришлый и так сказать чужеземец. Он, для охранения личного достоинства своего, бывал до раздражительности чувствителен, взыскателен, может быть, иногда и не к стати. Переписка его, в свое время, все это выскажет и обнаружить. Но между тем и докажет она, что все эти *маленькия смущения*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.